

Evguenia Maximovitch

Перифраза: объем и содержание понятия Библиизмы в современной российской публицистике

Acta Polono-Ruthenica 17, 167-178

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Evguenia Maximovitch
Białystok

Библеизмы в современной российской публицистике

Проблема динамических изменений лексики русского языка приобрела особую актуальность в конце XX – начале XXI в. Современный этап развития российского общества, который в разных источниках получил названия „постсоветский”, „посткоммунистический”, „новейший”, характеризуется существенными изменениями во всех сферах общественно-политической, социально-экономической, государственно-правовой, культурной жизни. Несомненно, общественные трансформации настоящего времени оказывают воздействие на современную языковую ситуацию, отличительной чертой которой является чрезвычайный динамизм изменений, обнаруживающихся на разных уровнях языковой структуры.

Общеизвестно, что к влиянию так называемых социальных факторов в наибольшей степени восприимчива лексико-семантическая система языка, и именно она в периоды социальных катаклизмов подвержена наиболее существенным трансформациям¹. Сказанное в полной мере применимо к современному этапу развития русского языка. Как отмечается в научной литературе, основными тенденциями в развитии русского языка новейшего периода являются интенсивность и быстрота языковых процессов, определяющее влияние общественно-политических факторов на развитие языковой системы, преобладание количественных изменений над качественными, функциональных изменений над системными, а также преобладание изменений в лексике и фразеологии².

В связи с переменами в жизни России со времени перестройки религиозная сфера получила официальный статус, и многие стали

¹ *Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование: 1. Лексика современного русского литературного языка. 2. Словообразование современного русского литературного языка*, под ред. М.В. Панова, Москва 1968.

² О.В. Загоровская, *Состояние русского языка на исходе XX века (лингвистический и культурологический аспекты)*, Воронеж 1997, с. 5–10.

обращаться к религии в поисках решения проблем: Как жить? Как поступать? Как относиться к миру?

Основой христианской религии, ее первоисточником была и остается Библия. Она дает ответы на многие житейские и мировоззренческие вопросы. Библия – один из таких текстов, который в большей или меньшей степени известен современным носителям языка как собрание мудрых мыслей и нравственных установок. Нередко, желая высказать свою мысль, отношение, носители языка обращаются именно к Библии. По мнению Д.С. Лихачева, вечными в приложении к историческому времени следует считать непреходящие духовные ценности, относящиеся к сфере религии и культуры. Эти ценности связаны прежде всего с Библией.

Популярность Священного Писания возросла. Возрос в связи со снятием запрета и научный, в частности, лингвистический интерес. Изучаются вопросы происхождения, состава, переводов Библии, ее влияние на культуры разных народов.

В последнее десятилетие XX в. наблюдается активное употребление „слов-понятий, крылатых слов, фразеологизмов, прецедентных текстов, «говорящих» имён и названий”³, восходящих к известным произведениям литературы, искусства. Это отмечают многие исследователи: „Характерная черта современного дискурса – вообще широкое и даже широчайшее использование различного рода цитат и клише”⁴. Данное явление имеет глубокие культурные корни. „Не секрет, что современная культура не склонна к текстопорождению. В дискурсах различных слоев общества налицо тенденция к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи, к осмыслению и компиляции текстов других культур [...]. Дискурс, наполнен разными по степени эксплицитности фрагментами и оценками чужих текстов”⁵.

Актуальность любого слова или выражения всегда проверяется на практике, то есть в речи обычных людей. Это справедливо и по отношению к словам и выражениям, восходящим к библейским текстам. Поскольку жизнь языка зависит от множества факторов, в том числе и от экстралингвистических, то не удивляет то, что политические перемены в России

³ В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова, *Прецедентный текст как редуцированный дискурс*, [в:] *Язык как творчество*, Москва 1996, с. 37.

⁴ Е.А. Земская, *Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества*, „Вопросы языкознания” 1996, № 3, с. 23.

⁵ Г.Г. Слышкин, *От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва 2000, с. 128.

оказали влияние на речь россиян. Отход от атеистической идеологии, возвращение к запретным в свое время христианским ценностям существенно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи.

Сферой наиболее широкого употребления библеизмов в настоящее время стала публицистика. Ветхозаветные и новозаветные выражения ежедневно используются на страницах журналов и газет. Они придают публичным текстам живость и образность, вызывают разнообразные эмоциональные ассоциации. Если раньше библейские изречения употреблялись преимущественно как „обветшалые украшения речи”, то в настоящее время они приобрели гражданское звучание⁶.

Длительное подавление авторитета Библии в советский период истории России стало также причиной, приведшей к тому, что после снятия запрета на религиозную сферу жизни Книга книг стала одним из популярнейших источников цитирования не только в сфере религии, но и в светской жизни.

Понятие „библеизм” и проблема изучения слов и выражений библейского происхождения возникли сравнительно недавно, в период развития фразеологии как самостоятельной дисциплины. Однако фиксация библейских единиц (для объяснения значения и по мере формирования у них устойчивости и развития семантики) происходила и раньше в ходе развития словарного дела, лексикографии. Эти единицы размещались, как правило, в толковых словарях русского языка, в словарных статьях, объясняющих значения отдельных (ключевых для библеизмов) слов. Библейские выражения как самостоятельные единицы русского языка впервые помещаются в сборниках крылатых слов и выражений во второй половине XIX – начале XX вв.⁷ В сборнике М. И. Михельсона (1896) они составили значительную часть. Библейские выражения сопровождаются разъяснениями – цитатами из Библии. Однако характер „объяснения” выражений не всегда одинаков. В одних случаях автор приводит цитаты как источник, первооснову функционирующего в русском языке выражения. Например:

⁶ П.А. Якимов, *Функции библеизмов в современном русском языке (на материале оренбургских газет)*, [в:] *Материалы Покровских чтений 2008–2009*.

⁷ М.И. Михельсон, *Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)*, репринтное издание, ГЕРРА, Москва 1994.

- *видеть небо отверстымь* (блаженствовать, быть въ восторге). *Отныне будете видеть небо отверстымь и Ангеловъ Божиихъ, восходящихъ и нисходящихъ къ Сыну Человеческому* (Иоанн 1,51; ср. Деян. Ал. 10,10)⁸;
- *древо познания добра и зла. Отъ всякого древа въ саду ты будешь есть; а отъ древа познания добра и зла, не ешь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертию умрешь* (Бытие 2,7; ср. 2,9)⁹.

Иной характер связи высказываний и цитат из Библии в следующих примерах:

- *богатый вретъ – никто его не уйметъ*. Заговорилъ богатый, – и все замолчали и превозносили речь до облаковъ (1 Сирахъ 13,28)¹⁰;
- *где тонко, тамъ и рвется*. Нитка, втрое скрученная, не скоро порвется (Екклес. 4,12)¹¹.

В последних двух случаях приводятся синонимичные русским пословицам выражения из Библии, содержащие ту же мысль, что и пословица, или продолжающие, развивающие её. Библейские цитаты в таких случаях являются скорее параллелями, вариациями „на тему”, нежели прообразами, первоисточниками выражений. В связи с вышесказанным можно заметить, с одной стороны, непоследовательность в подходе к библейским выражениям в конце XIX в., а с другой – возникновение уже тогда проблемы определения принадлежности выражения к некоторому классу единиц, особым образом связанных с Библией, проблемы определения понятия „библеизм”.

В дальнейшем вплотную к проблеме изучения библеизмов лингвисты подошли в связи со становлением фразеологии как дисциплины (1960-е гг.) и изучением фразеологических единиц. Так как значительная часть библеизмов является устойчивыми сочетаниями, то и они попали в поле внимания исследователей. В настоящее время много внимания уделяется изучению библеизмов – слов, фразеологизмов, афоризмов, восходящих к Библии. Анализируются их структурно-семантические особенности, своеобразие функционирования в разных языках, изучается природа библеизмов. Значительное количество работ посвящено выявлению, определению значений и восстановлению истории их формирования в процессе бытования библеизмов в языке. Лингвисты затрагивают также проблему правильного использования библеизмов в современной лексике,

⁸ Ibidem, с. 36.

⁹ Ibidem, с. 97.

¹⁰ Ibidem, с. 19.

¹¹ Ibidem, с. 70.

в том числе и в публицистической журналистике. Ученые восстанавливают истинное происхождение библеизмов, а также касаются истории трансформации некоторых из них, совершившихся в результате ошибочного толкования первоначальных церковнославянских форм библейских единиц. Так, например, в современном русском языке используется сочетание „ложь во спасение” вместо непонятого церковнославянского „ложь конь во спасение”, или „на сон грядущий” (использованное Пушкиным в *Капитанской дочке*) вместо „на сон грядущим” и др.

Первые известные работы относятся ко второй половине 60-х – 70-х гг. XX в.¹² В монографии Р.Н. Попова¹³, например, исследуются фразеологизмы с архаичными элементами, значительную часть их составляют библеизмы. Вышел в свет сборник крылатых выражений Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной¹⁴, в который вошли многие библеизмы (202 единицы) с объяснением значения на основе библейских сюжетов или же просто с указанием библейского „адреса”. Таким образом, библеизмы рассматривались лингвистами потому, что они являлись или фразеологизмами, или афоризмами, или соотносились с русскими пословицами и поговорками.

С конца 1980-х гг. предпринимаются шаги для того, чтобы „сделать Библию полноценным объектом филологических, исторических и культурологических исследований”¹⁵. Наиболее активное исследование библеизмов начинается именно во второй половине 1980-х гг. Возможность говорить о текстах Библии открыто повлекла целый ряд публикаций известных языковедов – М.И. Рижского, Е.М. Верещагина, Е.Н. Бетехиной,

¹² См. З.И. Семёнова, *Фразеологические единицы современного русского языка, восходящие к Библии. Вопросы истории и теории русского языка*, Тула 1968; В.П. Адрианова-Перетц, *Библейские афоризмы и русские пословицы*, Академия наук СССР, Ин-т русск. лит-ры, Тула 1971; Э.М. Солодухо, *Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии*, Изд-во Казанского ун-та, Казань 1977; *idem*, *Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп)*, Изд-во Казанского ун-та, Казань 1982; С.И. Гужанов, *О порядке слов в адъективно-субстантивных фраземах, восходящих к сюжетам библейских мифов (на материале русского языка). Проблемы русской фразеологии*, Тула 1978 и др..

¹³ Р.Н. Попов, *Фразеологические единицы современного русского языка с историзмами и лексическими архаизмами*, Северо-западн. книжн. изд-во, Москва 1967.

¹⁴ Н.С.Ашукин, М.Г. Ашукина, *Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения*, 4-е изд., доп., Худож. лит., Москва 1987.

¹⁵ *Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. К 30-летию Русской Северо-западной Библейской комиссии (1915–1995)*, [в:] Петрополис, Санкт-Петербург 1995, с. 5.

В.М. Мокиенко¹⁶ и др., касающихся как Библии, так и истории её формирования, освоения, перевода и собственно библеизмов как языковых единиц.

Большое внимание лингвисты уделяют рассмотрению библеизмов в системе современного русского языка и выявлению особенностей их функционирования. Следует отметить словарь А.М. Мелеровича, В.М. Мокиенко *Фразеологизмы в русской речи*, в котором помещён ряд библеизмов и даны варианты их употребления в русской речи с учётом различных видов их трансформации. Ценность такого словаря состоит в том, что в словарных статьях показывается, как сегодня „живёт” в русской речи библеизм, явно или скрыто¹⁷.

Определение термина „библеизм” является одним из главных вопросов выбранной нами области исследований. Узкое определение понятия „библеизм” дают В. Плешков, Т.В. Гончарова, Н. Тумка: „Под библеизмами понимаются языковые единицы предикативного и непредикативного характера, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имен персонажей, реалий и сюжетов Библии, а также других книг Священного Писания”¹⁸. Однако на основании данного определения библеизмами не следовало бы считать афоризмы, взятые из Библии, но употребляемые не в переносном, а в прямом значении, (например, „кто не работает, тот не ест”, „люби ближнего своего, как самого себя”, „всему свое время” и т.д.). Приведенные выражения употребляются носителями языка не менее часто, чем библеизмы в определении названных авторов, и поэтому также являются воспроизводимыми языковыми единицами.

¹⁶ См. М.И. Рижский, *Книга Иова: Из истории библейского текста*, [в:] Наука, Сиб. отд-ние, Новосибирск 1991; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, Русский язык, Москва 1990; Е.М. Верещагин, *О древнейших переводах Библии, а также о переводе на современный русский язык*, „Азия и Африка сегодня” 1993, № 11; idem, *На каких языках написана Библия и каковы древнейшие библейские рукописи*, „Азия и Африка сегодня” 1993, № 99; Е.Н. Бетехтина, *Фразеологические библеизмы с ономастическим компонентом в современном русском языке (на фоне английского)*: Авто-реф. дис. канд. филол. наук, Санкт-Петербург 1995; idem, *Фразеологические единицы с антропонимическим компонентом библейского происхождения в русском и английском языках*, [в:] Библия и возрождение, Санкт-Петербург 2000; idem, *Фразеологизмы с библейскими именами: В русском и английском языках*, С.-Петербург. гос. ун-т., Санкт-Петербург 2000; В.М. Мокиенко, *Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян*, „Славяноведение” 1995, № 3.

¹⁷ А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, *Фразеологизмы в русской речи*, [в:] Русские словари, Москва 1997.

¹⁸ Т.В. Гончарова, В. Плешков, Н. Тумка, *Структурно-семантическая характеристика библеизмов, функционирующих в современной публицистике*, Липецк 1991, с. 46.

Более широкое определение понятия „библеизм” дает языковед В.М. Мокиенко. Он рассматривает понятие „библеизма” с этимологической точки зрения, а именно, на основе его происхождения с учетом устойчивости, воспроизводимости. Библеизмами являются „слова, устойчивые словосочетания и афоризмы, возникшие на основе Библии или библейского сюжета”¹⁹. То есть в Библии имеется конкретное место в тексте, в котором расположена данная устойчивая единица языка. И при условии своего лексического сходства с выбранным отрывком текста она и будет являться библеизмом.

Другие лингвисты, ещё более расширяя понятие „библеизм”, рассматривают в их числе и те слова, которые „испытывают семантическое воздействие библейских текстов”²⁰. Е.М. Верещагин, например, отмечает как библеизмы слова „бездна”, „дух”, „свет”, „добро”, „пресмыкающееся”, „твердь”, „благословение” и др. Связь с Библией автор видит в том, что эти слова – или библейские категории (*добро, зло, дух, свет, тьма*), или названия реалий (*твердь*), сохранившиеся в Библии, но воспринимаемые и в современном русском языке как устаревшие, или названия живых существ, используемые в Библии (*пресмыкающееся*); эти слова в последнее время часто употребляются с религиозным „оттенком”.

Как видно из вышесказанного, данная тема интересует большое число языковедов. Об этом также свидетельствует появление все большего количества словарей и другой справочной литературы, отражающей состав и частоту употребления библеизмов²¹.

В религиозных газетах и журналах, как, например, „Наука и религия”, „Русь Православная”, „Церковное слово” и др., понятие „библеизм” претерпевает метаморфозу, его рамки ещё более расширяются, так как там широко используются отрывки (цитаты) из Библии, не ставшие ни фразеологизмами, ни афоризмами и не отражённые в словарях.

¹⁹ В.М. Мокиенко, *Переводы Библии и их значение...*, с. 143.

²⁰ Е.М. Верещагин, *Библейская стихия русского языка*, Москва 1993, с. 90–98.

²¹ См. И.Ф. Протченко, *Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект*, 2-е изд., Москва 1985; idem, *Словари русского языка: Краткий очерк.*: Изд-во РОУ, Москва 1996; *Толковый и справочный библейский словарь*, репринтное издание, Манускрипт, Москва 1991; В.Л. Ширяев, *Словарь библейских крылатых выражений (фразеологических оборотов). Религия вчера, сегодня, завтра*, [в:] *Курс лекций по истории и философии религии*, Архангельск 1993; Н.П. Матвеева, В.И. Макаров, *Словарь-справочник библеизмов русского литературного языка*, Москва 1996; С.У. Оуэн, *Словарь библейских символов (пер. с англ.)*, Санкт-Петербург 1997; Л.М. Грановская, *Библейские фразеологизмы*, Москва 1998; *Словарь библейских крылатых слов и выражений*, Петербург XXI век, сост. Г.А. Иоффе, Москва 2000.

Таким образом, под библеизмами мы понимаем слова, устойчивые словосочетания, афоризмы, а также более крупные отрезки текста, прямую или опосредованно восходящие к конкретным отрывкам из текста Библии (или библейским сюжетам, персонажам, фактам), как отражённые в словарях современного русского языка, так и не отражённые в них. Такое определение понятия „библеизм” соответствует современной практике использования текста Библии в СМИ (средствах массовой информации), в данном случае в светских и религиозных газетах.

Большой интерес представляет выявление состава и особенностей функционирования библеизмов в современном русском языке. И поскольку средства массовой информации наиболее чутко и быстро реагируют на все изменения в жизни общества и „язык современных газет может служить зеркалом современной жизни”²², то именно современные газеты являются исчерпывающим материалом для исследования.

Отношение профессионалов журналистики к религиозной публицистике негативно. Она до сих пор не признана как особый жанр журналистики. Религиозной публицистики как бы нет, но она реально существует и в течение 10 лет стихийно развивается. Такое стихийное развитие движется по двум направлениям:

- 1) завершается окончательное размежевание конфессиональной прессы и светской религиозной публицистики в общих масс-медиа;
- 2) начинается процесс объединения СМИ по конфессиональному признаку, т.е. формирование будущих религиозных медиа-империй.

Таким образом, произошло четкое разделение, в результате чего мы имеем сегодня два новых, самостоятельных направления: конфессиональную журналистику и религиозную публицистику.

Грани между церковной и светской журналистикой были размыты: чаще всего и там, и там работали одни и те же люди. Многие до сих пор ошибочно полагают, что мир религиозной журналистики един, а уже внутри него журналисты делятся по политическим принципам на правых и левых, монархистов и антимонархистов, на верующих и атеистов. Однако постепенно в светских СМИ стали появляться журналисты со специальными знаниями, способные достаточно отстраненно и объективно донести до потребителя необходимую информацию, и сегодня между конфессиональной и светской прессой уже можно наблюдать если не конфронтацию, то, по крайней мере, жесткую конкуренцию.

²² Е.А. Земская, *Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества*, „Вопросы языкознания” 1996, № 3, с. 29.

Несмотря на это каждый из таких журналистов, независимо от своих взглядов и отношения к российским реалиям, обращается к Библии и в газетном тексте использует библеизмы, которые украшают его, способствуют его оживлению, придают экспрессивную окраску и несут в себе многозначность и различную интерпретацию.

На страницах современных светских газет употребляется лишь незначительная часть библеизмов, отражённых в словарях русского языка и другой справочной литературе.

Неравное количество библеизмов, восходящих к Ветхому и Новому завету, свидетельствует о неодинаковой степени освоенности разных частей Библии современным русским языком. Это связано, скорее всего, с тем, что образы и сюжеты Нового завета оказали на русского человека большее влияние, чем ветхозаветные. Можем привести следующие примеры:

Ветхозаветные библеизмы

запретный плод, вкусить запретный плод – Первыми *вкусили „запретный японский плод“* [это была сказочная поездка на Японские острова] депутаты из „Нашего дома – России“ (Аргументы и Факты 1998, № 9);

по образу и подобию – Московский Арт-Салон структурирован *по образу и подобию* родного города (Литературная газета 1998, № 18); а также „всемирный потоп“, „Ноев ковчег“, „голубь мира“ и др.

Менее известно ветхозаветное происхождение следующих библеизмов: как один человек – Пускай вся наша страна, *как один человек*, выступит за запрет смертной казни (Литературная газета 1998, № 24/25);

между небом и землёю – Шесть месяцев ребёнок будет висеть *между небом и землёй*, – рассуждает медперсонал областной Детской больницы (Комсомольская Правда 22.01.1999); „изливать душу“, „на руку нечист“ и некоторых других.

Новозаветные библеизмы

белые одежды – Александр Исаевич – *белых одежд* достоин (Комсомольская Правда 11.12.1998);

смертный грех – Руководство СК РФ обвиняет Московский союз во всех *смертных грехах* и в собственных неудачах (Культура 1999, № 45);

тайная вечеря – Однако на следующий же день суд собрался на *„тайную вечерю“* исключительно ради этого „неожиданного“ прощения (Аргументы и Факты 1999, № 3).

К Новому завету восходят также библеизмы „блудный сын”, „бросать камень”, „Голгофа”, „страшный суд” и др. Следует также отметить, что большая группа ветхо- и новозаветных библеизмов, вероятно, вошла в русский язык именно через Новый завет: выражения, образы, ситуации, имеющие в Ветхом завете прямое значение, в Новом завете использованы в переносном. В этом переносном значении библеизмы и были усвоены русским языком.

С точки зрения структуры библеизмы, функционирующие в современных газетах, представлены словами, устойчивыми сочетаниями, афоризмами. Границы между этими группами не всегда чёткие. Наблюдается взаимопроникновение, проявляющееся в образовании слов от устойчивых сочетаний (размывается граница между словом и устойчивым сочетанием), в реорганизации афоризмов („рыхлая” структура последних приводит к переформированию их в устойчивые сочетания, что находит отражение в словарях русского языка)²³.

В современных религиозных газетах состав библеизмов имеет свои особенности. По подсчетам исследователей соотношение библеизмов, отражённых и не отражённых в словарях, в светских и религиозных газетах различно. Если в светских оно составляет соответственно 90% и 10%, то в религиозных газетах функционирует всего 40% библеизмов, отмеченных в словарях, а 60% – это цитаты из Библии, не отмеченные словарями²⁴.

Функционирование библеизмов в современных газетах определяется, с одной стороны, особенностями их семантической структуры; в зависимости от наличия или отсутствия системного смысла библеизмы обладают разной степенью выразительности и неодинаковым смысловым потенциалом. С другой стороны, функционирование библейских выражений определяется целями, преследуемыми авторами при создании текстов, характером информации и типом газет (религиозные, светские).

Одной из особенностей функционирования библеизмов в религиозных газетах является частое использование этих единиц в прямом (библейском) значении, тогда как в светских газетах они нередко (или как правило) используются в переносном. Например,

фиговый листок. Современное употребление этого библеизма – в значении „лицемерное прикрытие чего-либо постыдного, непристойного” или „лицемерная маскировка подлинных намерений или истинного положения

²³ Е.Н. Прибытько, *Библеизмы в языке современных газет*, Воронеж 2002.

²⁴ Ibidem.

дела”²⁵. Выражение восходит к библейскому сюжету об Адаме и Еве, познавших после грехопадения стыд и опоясавшихся листьями смоковницы (фигового дерева) (Быт 3,7). Распространению выражения способствовало то, что с XVI в. скульпторы применяли фиговый листок при изображении наготы тела. Эта условность, удержавшаяся до конца XVIII в., возникла как уступка церкви, признававшей греховным реалистическое изображение наготы в искусстве²⁶.

фиговый листок – Все эти кликушеские медитации на тему гуманизма и общечеловеческих ценностей – не более чем *фиговый листок*, прикрывающий хищные претензии Запада на абсолютное мировое господство (Литературная газета 1998, № 8).

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ. В прямом значении – это венец, сплетенный из веток колючего тернового кустарника, возложенный на голову Иисуса Христа. В прессе же используется переносное значение этого словосочетания – Солженицын был мстительным порождением этого государства, воплощённым возмездием, явившимся из глубины вечной мерзлоты в *терновом венце* из колючей проволоки (Литературная газета 1998, № 14) и др.

Основная функция библеизмов в современных газетах – номинативная. Однако в светских газетах авторы нередко используют библеизмы для обозначения негативных эмоций, отношений, переживаний. В религиозных газетах библейские выражения передают высокие чувства и мысли.

Использование библеизмов на страницах современных (главным образом светских) газет бывает не всегда корректным. Наблюдаются семантические и грамматические неточности в их употреблении, которые нередко затрудняют понимание текстов, содержащих данные выражения, слова, цитаты. Однако серьёзные последствия возникают в результате бестактного использования библеизмов, содержащих священные христианские понятия. Подобные ляпсусы не только оскорбляют чувства верующих, но и затрудняют формирование этических и эстетических представлений подрастающего поколения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно без сомнения утверждать, что в связи с актуализацией ранее ограниченной лексики религиозного характера библеизмы все более укрепляют свою позицию и значение в русском языке, в речи обычных россиян, а средства массовой информации (в частности, газеты и журналы, как светские, так и религиозные) являются источником, в котором отражается данный процесс.

²⁵ Н.С.Ашукин, М.Г. Ашукина, *op. cit.*, с. 361.

²⁶ *Ibidem*.

Streszczenie

Biblizmy we współczesnej rosyjskiej publicystyce

Leksyka, jako najbardziej podatna na zmianę część systemu językowego, jest zwierciadłem procesów zachodzących w życiu społeczeństwa. Koniec XX wieku okazał się okresem zasadniczych zmian we wszystkich sferach życia Rosjan. „Pierestrojka”, rozpad Związku Radzieckiego, odejście od socjalnych, ekonomicznych, politycznych oraz duchowych zasad życia społecznego minionej epoki, wolność słowa, wciąż rosnąca popularność środków masowego przekazu – to wszystko znacząco przyspieszyło procesy zachodzące w leksyce. Nastąpił m.in. powrót do systemu językowego leksemów ze sfery religii. W związku z tym coraz częściej badacze współczesnego języka rosyjskiego sięgają do Biblii.

Aktualność każdego słowa zawsze sprawdza się w praktyce – w mowie codziennej, zaś język współczesnych Rosjan znajduje odzwierciedlenie w publicystyce. Na stronach rosyjskich czasopism i gazet znajdujemy aforyzmy, frazeologizmy, cytaty pochodzące z Biblii. Językoznawcy tego rodzaju jednostki leksykalne określają terminem „biblizmy”. Po raz pierwszy w lingwistyce zainteresowali się tym zagadnieniem w związku z wyodrębnieniem się frazeologii jako dyscypliny naukowej. Biblizmy – używane zarówno w znaczeniu prymarnym (głównym), jak i w przenośnym – dodają tekstom publicystycznym kolorystyki i wyrazistości, wywołują różnorodne emocjonalne skojarzenia.

Summary

Biblizms in modern Russian journalism

Lexis as the most susceptible to changes part of the language is a reflection of the processes taking place in society. The end of the twentieth century was a period of fundamental change in all spheres of life of the Russians. „Perestroika”, the disintegration of the Soviet Union, moving away from social, economic, political and spiritual principles of social life of a bygone era, freedom of speech, ever-growing popularity of the media have all significantly accelerated the processes occurring in lexis. Today, all these processes are activated. One of them is the return to the language system of lexeme previously commonly unused, concerning the sphere of religion. Therefore, there has been the increased interest in the Bible. More and more often scholars of the contemporary Russian language refer to this rich source.

The relevance of each word is always checked in practice – in everyday speech. Also in journalism the contemporary Russian language is reflected. On the pages of the Russian newspapers and magazines we find aphorisms, idioms and quotations from the Bible. Linguists use the term „biblizms” for such lexical units. For the first time in linguistics the linguists took up the issue in connection with separation of the phraseology as a scientific discipline. Biblizms add color and clarity to the journalistic texts and produce a variety of emotional connotations. But they are not always used in primary (main), but in a figurative sense.